

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В СССР ПЕРИОДА СТАЛИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ (1928–1953 ГОДЫ): ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье проведен обзор основных советских и постсоветских историографических исследований, посвященных проблеме политических репрессий в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.). В частности, автором рассмотрен процесс эволюции исследовательских проблем, начиная с конца 1950-х гг. и заканчивая серединой десятилетия XXI в.

Ключевые слова: историографические исследования, политические репрессии, сталинизм, политические процессы, «раскулачивание», «большой террор», «депортации», «трудармия».

Проблематика сталинских политических репрессий в СССР не является «белым пятном» в новейшей историографии. Современные отечественные исследователи внесли значительный вклад в анализ данных явлений. Однако большинство авторов не ставили перед собой задачу изучения репрессий в СССР в историографическом контексте.

В советской исторической науке проблема сталинских политических репрессий в СССР в силу идеологических и политических факторов не могла стать самостоятельным объектом изучения. Из этого следует то, что исследование проблемы сталинских репрессий в СССР было начато лишь с начала 1990-х гг.

К примеру, в 1990 г. была опубликована статья Л. Н. Лопатина, в которой впервые была предпринята попытка осмысления истории репрессий в 1920 – 1930-х гг. в историографическом контексте. В этой публикации автор охарактеризовал судебные политические процессы конца 1920 – 1930-х гг. в СССР как «сфальсифицированные» официальной властью¹.

Далее Л. Н. Лопатин сделал объективное замечание об общей слабости публикаций, посвященных теме сталинских репрессий вышедших с середины 1980-х гг.: «В публикациях, даже самых последних, явно не достаёт ссылок на первоисточники, особенно архивные»².

Кроме того, автор призвал исследователей не дожидаться рассекречивания фондов ведомственных архивов причастных к реализации репрессивной политики в СССР, а приступить к анализу архивных данных государственных архивов с целью сбора прямой и косвенной информации о репрессиях: «По имеющимся в открытом доступе архивным

материалам можно установить время начала массовых репрессий, их направленность в разные годы, масштабы, фамилии репрессированных и даже предположить механизм фабрикации дел»³.

В постсоветской исторической науке принят ряд попыток в рассмотрении отдельных аспектов темы сталинских репрессий в историографическом ракурсе. Современные историографические обзоры отличаются не только использованием новых методологических подходов, но и глубиной анализа, критическим подходом в оценке исторических исследований, что в определенной области позволяет определить важнейшие тенденции разработки данной проблемы, научно-теоретический и методологический уровень ряда исследований, широту тематики, выявить некоторые спорные позиции и мнения.

К примеру, ряд исследователей проанализировали историографию репрессивных акций со стороны государства в отношении крестьянства в связи с «ликвидацией кулачества как класса».

Наиболее фундаментальным историографическим исследованием, посвященным насильственной коллективизации в СССР, где широкое освещение получили репрессии против советского крестьянства – стала монография омского историка В. М. Самосудова на тему «Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – середина 90-х годов)». В данной публикации автор рассмотрел эволюцию не только в отечественной, но и зарубежной исторической науке проблемы репрессий в отношении крестьянства в 1929–1933 гг. на основе вышедших публикаций середины 1930-х гг.⁴

В 2001 г. была опубликована статья новосибирского историка С. А. Красильникова, посвященная феномену спецпереселенцев в 1930-х гг. новейшей исторической литературе. В частности, можно согласиться со следующим выводом автора: «Несмотря на обилие и разнообразие публикаций, пока нет достаточных оснований считать эту проблематику не только исчерпанной, но даже в достаточной мере сложившейся. Прорыв в методологической и концептуальной сферах, а также и в накоплении источниковой базы, происшедший в начале 1990-х гг., оборачивается ныне если не спадом, то определенного рода стагнацией, признаком чего служит не только повторение в прошлом апробированных схем и подходов зрелыми, сложившимися исследователями, но и копирование их молодыми историками. Подходы маститых ученых оказались легче тиражировать, накладывая на местные материалы и документы, зачастую даже без должной адаптации к региональным условиям»⁵.

Кроме того, С. А. Красильников призывает обратить внимание современных исследователей на проведение микроисследований, которые помогут вскрыть механизмы реального поведения в экстремальных условиях обеих сторон – местной власти и крестьянства, когда сопротивление и протест последнего существенно корректировал процессы реализации принимаемых властных решений. Также автор рассматриваемой публикации отметил немаловажный источниковедческий момент: «Историками недооценен и поэтому не используется в должной мере такой массовый источник, как реабилитационные дела репрессированных крестьянских семей»⁶.

Советская и современная историография (1930-е – 1990-е гг.) о «раскулачивании» в СССР была проанализирована в публикации Е. Н. Германа. Автор, подвергнув критическому осмыслению достигнутые результаты исследований в советской историографии, верно указал на то, что новый этап в развитии российской исторической науки, начавшийся с 1990-х гг., следует охарактеризовать как переходный (время мучительного поиска новых концептуальных схем, нового исторического языка)⁷.

Другой проблемой, которая привлекла историков историографических позиций, стал «большой террор» 1937–1938 гг. В своем большинстве первые историографические

публикации, посвященные «большому террору», увидели свет с начала 2000-х гг., когда на первый план выходит систематизация и обобщение исторических исследований, начиная с «перестроечного» времени и заканчивая рубежом 1990-х – 2000-х гг.

В 2004 г. была опубликована статья московского историка О. В. Хлевнюка «“Большой террор” 1937–1938 гг. как проблема научной историографии». Автор статьи обосновывает вполне целесообразный тезис о том, что тема «большого террора» как проблема российской исторической науки ведет отсчет с начала «архивной революции» 1990-х гг. – открытия и освоения (общественного и научного) архивов советского периода⁸.

В. Э. Багдасарян в своей статье предложил оригинальный опыт историографического моделирования в осмыслении «большого террора» 1937–1938 гг. В частности, доступная литература по проблеме позволила историку выделить 15 историографических моделей: «самоистребления революционеров», «сталинской узурпации власти», «патологической личности», «обманутый вождь», «сталинского термидора», «модификации восточной деспотии», «антисталинской демократической альтернативы», «кадровой ротации», «охоты на ведьм», «идеологической эманации», «этатизации революции», «внешнеполитической инверсии», «предвоенной чрезвычайщины», «еврейского погрома в партии», «цивилизационного отторжения». Исходя из анализа вышеперечисленных моделей, В. Э. Багдасарян делает вывод, с которым, безусловно, можно согласиться: «Несмотря на декларируемый историографический плюрализм, тематика “большого террора” очерчена рамками идеологических табу. Ряд реконструированных каузальных моделей тридцать седьмого года попросту игнорируется академической наукой. Нет уверенности, что при очередной идеологической инверсии не произойдет смены приоритетного концепта. Необходима широкая полемика о сущности сталинизма и не проводимые до сих пор пропагандистские кампании»⁹.

В рамках историографической проблемы «большого террора» российскими историками была затронута тема политических репрессий в 1937–1938 гг. в вооруженных силах СССР.

В статье М. И. Мельтюхова был проведен историографический анализ опубликованных

к середине 1990-х гг. исторических исследований по различным аспектам репрессий в РККА и РККФ. Так, автор выделил две основные тенденции в отечественной историографии по проблеме массовых репрессий в советских вооруженных силах: «Одну из них можно назвать “проармейской”, т. к. в ней довольно четко проводится мысль, что офицерский корпус – элита не только армии, но и страны в целом, а поэтому организованные и проводившиеся НКВД репрессии не только необоснованны, но и преступны в отношении судеб страны и являются “самым страшным” преступлением органов. Другая тенденция имеет явно “антисталинскую” направленность, поскольку в ней акцентируется внимание на роли Сталина в организации беспричинных и самоубийственных для страны репрессий офицерского корпуса».

Кроме того, историк обратил внимание на узость источниковой базы, которая недостаточно полно помогает раскрыть отдельные аспекты репрессий в РККА и РККФ.

По мнению М. И. Мельтюхова, не решены или вообще не поставлены вопросы о причинах «чистки», о межведомственных трениях и борьбе группировок в РККА, что свидетельствует о недостаточной плодотворности изучения проблемы¹⁰.

В 2005 г. в журнале «Отечественная история» была опубликована статья А. В. Короленкова, посвященная проблеме репрессий в РККА в предвоенные годы. В ней автор подверг критике версию некоторых историков о якобы существовавшем заговоре военных против И. В. Сталина. Не согласен также автор с тезисом о том, что из-за ослабления Красной армии в результате «чистки» СССР пришлось идти на уступки Германии в 1939 г. А. В. Короленков пишет: «Ведь Сталин искал соглашения с фюрером еще до “чистки” и уже в 1935 г. зондировал почву для сближения с Германией»¹¹.

В 2007 г. В. Э. Багдасарян в историографической статье обратился к стержневому вопросу репрессий в РККА и РККФ в 1937–1938 гг. – «делу М. Н. Тухачевского». Автор, проанализировав вышедшую литературу по рассматриваемой проблеме, обозначил 6 версий, выдвигаемых исследователями: «дело Тухачевского» было целиком сфабриковано немцами; «дело Тухачевского» инициировал сам Сталин; «дело Тухачевского» явилось результатом интриги генерала Н. В. Скоблина;

наличие советско-германской сети военного заговора; реально существовавший антисталинский заговор в РККА имел совершенно иную идейную направленность в сравнении с тем, что инкриминировалось его участникам на судебном процессе¹².

Современная историографическая литература по истории сталинских политических репрессий в СССР представлена работами, в которых затрагиваются депортационные кампании второй половины 1930-х – 1940-х гг.

Л. В. Малиновский в кратком аналитическом обзоре рассмотрел ряд публикаций историографии ФРГ. В частности, автор акцентировал внимание на следующем немаловажном факте: «...несмотря на имеющиеся недоработки и недостатки, вызванные специфическим подходом к проблеме и нехваткой источников, полезно и для советской науки, которая пока еще очень робко подходит к освещению истории немцев в России и СССР [в частности проблемы депортации российских немцев в 1941 г. – С. М.]»¹³.

Первой крупной историографической публикацией можно назвать статью Н. Ф. Бугая, посвященную проблеме депортации народов в СССР. Автор констатирует, что в работах отечественных исследователей превалирует эмоциональный фактор, неглубоко осмысленные факты, смещение к описательному характеру изложения событий¹⁴. Эта констатация Н. Ф. Бугая вполне понятна, т. к. он отразил состояние изученности депортации народов в СССР к середине 1990-х гг., когда доминировали действительно работы «разрушительного» направления отечественной историографии.

К числу заслуг статьи Н. Ф. Бугая следует отнести выявление перспективных направлений в исследовании темы: проблема межнационального конфликта в условиях социализма, форм и методов его урегулирования; последствия депортационных процессов для всех без исключения групп населения; роль и место репрессированных народов в преумножении экономического потенциала страны; развитие повстанческого движения и его причины; реабилитационные процессы¹⁴.

В 2003 г. вышла статья М. Н. Кубановой, в которой она провела историографический обзор основных публикаций проблемы депортаций на страницах таких академических журналов как «Вестник Российской Академии Наук», «Вопросы истории», «Отечественная

история», «Этнографическое обозрение»¹⁵.

В постсоветских историографических публикациях была рассмотрена проблема депортации на примере отдельно взятых народов. Анализ историографии причин депортации карачаевского народа содержится в публикации И. К. Семенова¹⁶. Обзор отечественной историографии проблемы политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР проведен в работах Т. Черновой¹⁷.

Феномен «трудовой армии» периода Великой Отечественной войны рассмотрен в опубликованной в 2001 г. историографической статье Г. А. Гончарова. По заключению автора, проделанная исследователями работа по изучению такого исторического феномена, как «трудовая армия» периода Великой Отечественной войны, позволила за короткий промежуток времени сделать существенный прорыв и перейти от тезисов и статей фрагментарного характера к более подробным комплексным исследованиям проблемы. Намечившиеся направления изучения истории создания и функционирования «трудовой армии» («узкая» и «широкая» трактовка), поставили на повестку дня вопрос о необходимости дальнейшего расширения исследования источниковой базы для определения ее состава, хронологических рамок и внутренней периодизации. В связи с этим Г. А. Гончаров резюмирует, что решение этих вопросов позволит дать точное определение «трудовой армии» и определить ее место в системе трудовых отношений периода Великой Отечественной войны¹⁸.

Историографический контекст темы сталинских репрессий привлек также внимание зарубежных исследователей.

Германский историк Ш. Мерль в своей статье обратился к проблеме анализа советской историографии коллективизации сельского хозяйства с позиций западной исторической науки. Так, автор в оценке коллективизации выделил три различающиеся между собой позиции: консерваторы, историки коллективизации и реформаторы-радикалы. Однако Ш. Мерль проблему репрессий в отношении крестьянства не обозначил как стержневую в общей теме коллективизации¹⁹.

В 2003 г. в журнале «Отечественная история» была опубликована статья А. Кана, доктора исторических наук, профессора и почетного доктора Упсальского университета (Швеция), члена Норвежской академии наук,

посвященная постсоветским исследованиям проблемы политических репрессий в России и СССР. В ней историк сделал вывод о том, что «подобная литература не одинакова по своей научной ценности и полиграфическому исполнению, что зависит от квалификации авторов и финансовых возможностей издателей». А. Кан заметил, что «впечатляют, например, объемистые книги о депортации немцев, поляков и прибалтов, тогда как рассказы о судьбах чеченцев, балкарцев, карачаевцев, крымских татар, калмыков выглядит значительно скромнее»²⁰.

В целом, подводя итог обзору отечественных историографических исследований, посвященных проблеме политических репрессий в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.), можно отметить следующее. Первые историографические исследования по рассматриваемой проблеме, где уже стала использоваться широкая база историографических источников, начали появляться с середины 1990-х гг. Авторами рассмотрены результаты, достигнутые историками по таким стержневым проблемам сталинской репрессивной политики, как репрессии в отношении крестьянства периода насильственной коллективизации (1929–1933 гг.), «большой террор» 1937–1938 гг. и этнические депортации второй половины 1930-х – конца 1940-х гг. Вместе с тем следует констатировать, что значительное количество историографических проблем политических репрессий периода сталинской диктатуры пока не нашло отражения в аналитических обзорах современных российских историков. В частности, остался без внимания историографический анализ проблемы уголовного преследования советских граждан по статье 58 «Контрреволюционные преступления» Уголовного кодекса РСФСР в предвоенный, военный и послевоенный периоды (1939–1953 гг.). Также в историографическом контексте отсутствуют аналитические обзоры по практике реализации репрессивной политики в 1940–1941 гг. на примере нарушения трудовой дисциплины. Кроме того, к перспективной историографической проблематике можно отнести исследование научных публикаций, в которых рассматривается процесс реабилитации советских граждан, репрессированных в период сталинской диктатуры (1928–1953 гг.)

Примечания

¹ Лопатин, Л. Н. Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории репрессий 20-х – 30-х гг. // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири / под ред. В. М. Самосудова. Омск, 1990. С. 162.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 164.

⁴ Самосудов, В. М. Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – середина 90-х годов). Омск, 1998.

⁵ Красильников, С. А. Спецпереселенцы 1930-х гг. в новейшей отечественной историографии // Маргиналы в советском обществе 1920–1930-х годов : историография, источники. Новосибирск, 2001. С. 82–83.

⁶ Там же. С. 83.

⁷ Герман, Е. Н. Советская и российская историография «раскулачивания» : этапы и тенденции (1930-е – 1990-е годы) // Гуманитар. ежегодник. Вып. 1. : сб. науч. тр. аспирантов и соискателей / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск, 2001. С. 69–70.

⁸ Хлевнюк, О. В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков / сост. А. А. Данилов. М., 2004. С. 433.

⁹ Багдасарян, В. Э. «Загадочный тридцать седьмой» : опыт историографического моделирования // Историография сталинизма : сб. ст. / под ред. Н. А. Симония. М., 2007. С. 206.

¹⁰ Мельтюхов, М. И. Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований // Отечеств. история. 1997. № 5. С. 118.

¹¹ Короленков, А. В. Еще раз о репрессиях в РККА в предвоенные годы // Отечеств. история. 2005. № 2. С. 157, 159.

¹² Багдасарян, В. Э. Заговор в РККА : историографический дискурс о «Деле М. Н. Тухачевского» // Историография сталинизма : сб. ст. / под ред. Н. А. Симония. М., 2007. С.

207–226.

¹³ Малиновский, Л. В. История советских немцев в современной историографии ФРГ // Вопр. истории. 1991. № 2–3. С. 241.

¹⁴ Бугай, Н. Ф. Депортация народов в СССР – новое направление в отечественной историографии : проблемы изучения // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки / под ред. А. Н. Сахарова. М., 1996. С. 511.

¹⁵ Кубанова, М. Н. Проблемы депортаций на страницах академических исторических журналов // Репрессированные народы : история и современность : материалы республик. науч. конф. / отв. ред. М. Н. Кубанова. Карачаевск, 2003. С. 53–58.

¹⁶ Семенов, И. К. Отечественная историография о причинах депортации карачаевского народа // Там же. С. 92–97.

¹⁷ Чернова, Т. : 1) Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии) // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 261–279; 2) Фрагменты новейшей историографии по проблемам немецкого этноса в России // Немцы России на рубеже веков : история, современное положение, перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. В. Амелина. Оренбург, 2000. С. 45–60.

¹⁸ Гончаров, Г. А. «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: российская историография // Эконом. история. Обзорение / под ред. Б. Н. Бородкина. М., 2001. Вып. 7. С. 154–168.

¹⁹ Мерль, Ш. Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки / под ред. А. Н. Сахарова. М., 1996. С. 373–387.

²⁰ Кан, А. С. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР // Отечеств. история. 2003. № 1. С. 130.